

РОССИЙСКАЯ ГОРОДСКАЯ ГЕРАЛЬДИКА

Н. А. Соболева

Все губернские города России и большинство уездных имели гербы. Существовали также гербы губерний и областей. Их официальное описание помещалось в «Полном собрании законов Российской империи». Издавались альбомы с рисунками территориальных гербов¹. Однако в целом городские гербы не составили предмета специального изучения. Уже вскоре после Великого Октября один из исследователей этих памятников прошлого справедливо отмечал: «История русских территориальных гербов остается до сих пор совершенно неисследованной»². Научной литературы по городской геральдике России существует немного. Имеется справочник П. П. Винклера с кратким историческим введением, городским гербам посвящена глава в монографии А. Б. Лакиера, вскользь упоминает о них Ю. В. Арсеньев, делается попытка изучить гербы отдельных городов в ряде небольших статей³. Старейшина советских геральдистов В. К. Лукомский только однажды обратил к сюжетам городской геральдики⁴, хотя архивные материалы, сохранившиеся в его личном фонде, свидетельствуют о его намерении уделить городским гербам особое внимание⁵.

В литературе по городской геральдике отсутствует определение понятия «городской герб». Большинство авторов идентифицируют городской герб и печать. Те же, кто не считает древнерусские городские печати гербами, относят появление последних ко второй половине XVII века⁶. Против этого положения выступил А. А. Ураносов, развивавший концепцию о наличии русских городских гербов с глубокой древности. По его мнению, говорить о городских гербах Руси можно начиная с XII века. Ссылаясь на работы известных советских ученых, А. А. Ураносов называл гербы древнейшими знаками собственности⁷. Однако он сме-

¹ «Приложение чертежей и рисунков гербов городов Российской империи, принадлежащих к I изданию «Полного собрания законов». СПб. 1843; «Гербы губерний и областей Российской империи». СПб. 1880; П. П. фон Винклер (ред.). Гербы городов, губерний, областей и посадов, внесенные в «Полное собрание законов Российской империи за 1649—1900 гг.». СПб [1900].

² С. Н. Тройницкий. О гербе смоленском. «Известия» Российской Академии истории материальной культуры (РАИМК). Т. 1. Пггр. 1921, стр. 345.

³ А. Б. Лакиер. Русская геральдика. Кн. 1—2. СПб. 1855; Ю. В. Арсеньев. Геральдика. М. 1908; наиболее значительные из статей: И. А. Тихомиров. О некоторых ярославских гербах. «Труды» Третьего историко-археологического съезда. Владимир. 1909; И. Сахаров. Записки о русских гербах. Ч. 1: О гербе московском. М. 1853; А. И. Некрасов. О гербе суздальских князей. «Сборник» Отдела русского языка и словесности АН СССР. Т. 1, вып. 3. Л. 1928; в разное время увидел свет также ряд статей в различных «Губернских ведомостях».

⁴ В. К. Лукомский. К вопросу о происхождении Смоленского герба. «Труды» Московского историко-архивного института. Т. 2. М. 1946.

⁵ ЦГИА СССР, ф. 986, оп. 1, дд. 31, 34, 41.

⁶ А. Б. Лакиер. Указ. соч., стр. 286; В. К. Лукомский. О геральдическом искусстве в России. СПб. 1911, стр. 6.

⁷ А. А. Ураносов. Русские областные и городские печати и гербы. Автореф. канд. дисс. М. 1953, стр. 25.

шал два вопроса: исторические корни городских гербов и время их реального появления. Ведь, разбирая вопрос о княжеских знаках собственности, акад. Б. А. Рыбаков считает их знаками достоинства и лишь как бы «своего рода гербом», замечая, что княжеские знаки собственности «называют также гербами, родовыми знаками»⁸. Чл.-корр. АН СССР А. В. Арциховский тоже далек от того, чтобы признавать наличие гербов на Руси в столь ранний период: «Нет пока оснований утверждать, что Владимирская Русь знала гербы в полном смысле этого слова, установленные и узаконенные»⁹; он пишет лишь о стойкости геральдических эмблем и выводит их из местных традиционных обозначений, сформировавшихся в глубокой древности.

Несмотря на свою недоказанность, теория существования русских городских гербов еще в домонгольский период пока бытует в нашей литературе, особенно в популярной¹⁰. Разногласия о времени возникновения в России городских гербов усугубляются и нерешенностью вопроса о совпадении либо различии понятий «городская печать» и «городской герб». Н. Ф. Демидова утверждает, что они отождествляются в начале 20-х годов XVIII в.: «Именно с этого момента вопрос об изготовлении городских печатей стал частью вопроса о создании гербов городов; изображения, помещенные в «Титулярнике» 1672 г., она рассматривает как печати городов и областей, геральдические эмблемы¹¹. Напротив, в учебном пособии по сфрагистике и геральдике они названы гербами городов и областей, печати многих областей XVI в. также именуются гербами (например, «гербом Вятки является лук со стрелой. Такой герб изображен на государственной печати Ивана IV с надписью: «печать Вятская»¹²).

В действительности городской герб появился позднее городской печати. Как необходимый компонент делопроизводства печати возникли еще на ранних этапах развития города, в связи со становлением муниципальной администрации. На них можно встретить изображение личного герба владельца города, фигуру святого — покровителя города, в стилизованной форме иногда воспроизводились городские стены, башни, ворота. Атрибуты печати, эти символы предгеральдического периода, полностью или частично входят позднее и в герб города. Порой же его рисунок не имеет с печатью ничего общего. Однако с момента возникновения герба его изображение всегда помещалось на печати города, равно как на городских знаменах, на ратуше и городских стенах. Разновременность появления городской печати и герба коренится в разных этапах формирования городской организации. Наличие у города герба — это качественно новый момент в городском развитии. Он знаменует определенные взаимоотношения между городом и его владельцем, предоставление городу привилегий, часто завоеванных им в упорной борьбе. В целом процесс геральдизации городов объясняется повышением их роли в жизни средневекового общества. Своей кульминации данный процесс в Западной Европе достигает в XV веке. Широко распространяется тогда обычай жаловать городам гербы, а превращение населенного пункта в го-

⁸ Б. А. Рыбаков. Знаки собственности в княжеском хозяйстве Киевской Руси X—XII вв. «Советская археология». Кн. VI. 1940, стр. 229—230, 235.

⁹ А. В. Арциховский. Древнерусские областные гербы. «Ученые записки» МГУ. Вып. 93. История. Кн. 1. 1946, стр. 55.

¹⁰ См., например, Н. Н. Сперансов. Земельные гербы России XII—XIX вв. М. 1974.

¹¹ Н. Ф. Демидова. Русские городские печати XVIII в. «Города феодальной России». М. 1966, стр. 518—519; см. также: е е же. Старинный герб города Уфы. «Из истории феодализма и капитализма в Башкирии». Уфа. 1971; е е же. Отражение политики русского правительства в Башкирии в гербах и печатях ее городов XVII—XVIII вв. «Южноуральский археографический сборник». Вып. 1. Уфа. 1973.

¹² Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Русская сфрагистика и геральдика. Изд. 2-е. М. 1974, стр. 136, 148.

род почти всегда сопровождалось получением им права иметь герб (а также печать), но вместе с тем это уже элемент моды. Города, которым никогда официально не был пожалован герб, сами вводят его, помещая изображение печати на щит, так что с XVI в. понятия «городской герб» и «городская печать» зачастую сливаются. Примерно с этого времени городская геральдика теряет прежний смысл в связи с большими изменениями в структуре городского общества, что совпадает с «инфляцией» геральдики вообще, с исчезновением гербов из военного обихода, концом «живой геральдики» и наступлением «бумажной». В XVI—XVII вв. последняя широко распространяется в Западной Европе: во многих странах появляются в большом количестве трактаты, разрабатываются правила общей композиции герба, определяются его обязательные элементы, вырабатывается специфическая терминология, вводятся условные обозначения цветов при помощи штриховки, оформляется их символика и т. д. В соответствии со вкусами той эпохи геральдике свойственна пышность, помпезность. «Гербовая лихорадка» буквально захлестывает Европу, так что для упорядочения пользования гербами во многих государствах были созданы специальные организации¹³. В этих условиях учреждение городских гербов приобретает все больше черты традиционности, престижа. Герб — предмет гордости горожан, о нем слагаются оды, пишутся стихи.

Знакомство с основными этапами истории городской геральдики в Западной Европе дает основание рассматривать городской герб в двух аспектах. С одной стороны, это показатель определенного развития городской организации и символ городского суверенитета, знаменующий предоставление городу определенных прав, с другой — знак, составленный на основании определенных правил, сохраняющий относительную стабильность изображения, которое, как правило, фиксируется законодательным актом.

Эволюция городской геральдики обусловлена прежде всего закономерностями развития той или иной страны. Если говорить о Руси, то истоки городской символики относятся здесь еще к домонгольскому периоду. Так, известно изображение льва как личного знака владимиросудальских и галицких князей¹⁴, которое впоследствии становится главной фигурой в гербах Владимира и Львова. Монголо-татарское нашествие затормозило развитие эмблем и символов на Руси, однако не уничтожило их совсем. Об этом свидетельствуют многочисленные эмблемы на русских монетах XIV—XV вв., еще слабо изученные, эмблемы княжеских печатей, а также изображения на сохранившихся городских печатях¹⁵.

Монголо-татарское иго сказалось и на эволюции русских городов XIV—XV вв., политический строй которых не достиг такой зрелости и полноты, как в некоторых странах Западной Европы¹⁶. В этих условиях городские гербы как символы самоуправления города и свидетельства каких-то особых привилегий не могли получить распространения. Следует также учитывать, что необходимость избавления от золотоордын-

¹³ Ю. В. Арсеньев. Указ. соч., стр. 44.

¹⁴ А. И. Некрасов. Указ. соч.; Г. К. Вагнер. К вопросу о владимиросудальской эмблематике. «Историко-археологический сборник». К 60-летию А. В. Арциховского. М. 1962; А. С. Лаппо-Данилевский. Печати последних галицко-владимирских князей и их советников. «Болеслав-Юрий II, князь всей Малой Руси». Сборник материалов и исследований. СПб. 1907.

¹⁵ А. А. Ильин. Классификация русских удельных монет. Вып. I. Л. 1940, стр. 23—42, таблицы; «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XV вв.». М.—Л. 1950 (описание печатей); Н. П. Лихачев. Печати Пскова. «Советская археология», 1960, № 3; В. Л. Янин. Актовые печати Древней Руси X—XV вв. Т. 1—II. М. 1970.

¹⁶ А. М. Сахаров. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV вв. М. 1959, стр. 201—202.

ского ярма вела к усилению великокняжеской власти. Русское городское население в XIV—XV вв. не только не получило привилегированного правового положения, как это имело место в странах Западной Европы, но были ликвидированы даже зачатки самоуправления городов. Следовательно, отсутствие на Руси городских гербов в период, когда во многих западных странах это явление начинает расцветать, обусловлено особенностями ее исторического развития.

В XVI в. в Русском государстве существовали территориальные эмблемы. Они изображались в основном на печатях, скреплявших международные акты. Эмблемы покоренных прибалтийских земель были использованы при изготовлении печати Ливонской земли, сделанной по приказанию Ивана IV в 1564 г. и приложенной к трактату, заключенному между Россией и Швецией¹⁷. Употребление этой печати строго регламентировалось: ею печатались «грамоты перемирные с швейским королем... и грамоты в иные государства»¹⁸. Композиция рисунка (двуглавый орел попирает лапами эмблемы, символизирующие присоединенные прибалтийские земли) такова, что не может вызвать сомнения в предназначении печати, которая должна была иллюстрировать успехи русского царя в Ливонской войне. По-видимому, для создателей печати эта задача была основной; поэтому такие детали, как правильное изображение гербов завоеванных областей, не играли для них большой роли: эмблемы не соответствуют в деталях гербам Ливонского ордена и Дерпта. В 1565 г. по приказанию Ивана IV была сделана новгородская печать, на которой изображалось «место, а на месте посох, а у места с сторону медведь, а з другую сторону рысь, а под местом рыба»¹⁹. При этом подчеркивалось, что данной печатью «печатати грамоты перемирные с швейским королем Новгороду о перемирии, и грамоты посыльные печатати о порубежных и о всяких делех ко швейскому королю».

С эмблемами других русских земель нас знакомит государственная печать Ивана IV, приложенная к двум трактатам 1583 и 1584 гг., заключенным между Россией и Швецией²⁰. 24 эмблемы (по 12 с каждой стороны) окружают изображение двуглавого орла со всадником (на обратной стороне — единорог), расположенным в центральном щитке. В литературе их принято называть гербами городов, хотя надписи вокруг эмблемы свидетельствуют, что изображены печати, и не городов, а земель, областей, княжеств, царств. Для герба, как уже указывалось, была характерна неизменность его рисунка, стабильность фигур и цветов (красок). Между тем анализ изображений, помещенных вокруг двуглавого орла на государственной печати Ивана IV, сравнение их с аналогичными изображениями XVII в.²¹ показывают отсутствие стабильности²² и несоответствие подписей действительной печати или эмблеме, впоследствии

¹⁷ «Снимки древних русских печатей, государственных, царских, областных, городских, присутственных мест и частных лиц». Вып. I. М. 1882, табл. 67.

¹⁸ «Полное собрание русских летописей». Т. 29. М. 1965, стр. 336.

¹⁹ Там же, стр. 347.

²⁰ «Снимки древних русских печатей...», табл. 18—19.

²¹ А. В. Арциховский приводит перечень предметов, на которых в различных комбинациях сохранились изображения, впервые встреченные на печати Ивана IV (в уменьшенном количестве или дополненные) (А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 44); расширяет список предметов с изображением отдельных эмблем Н. Г. Порфиридов (см. Н. Г. Порфиридов. Новгородская вечевая печать. «Вспомогательные исторические дисциплины». Вып. II. Л. 1969, стр. 191).

²² Например, эмблема Новгорода на печати Ивана IV изображена в виде вечевых ступеней, на которых — посох, около них — медведь, по другую сторону — зверь, внизу — две рыбы («Снимки древних русских печатей...», табл. 18); на саадачном покровце Михаила Федоровича та же эмблема представлена в виде двух медведей, поддерживающих трон, внизу — две рыбы («Древности государства Российского». Рисунки, отделение II. М. 1851, табл. 79); на золотой тарелке Алексея Михайловича изображены только два медведя, поддерживающие трон с положенным на него жезлом («Древности государства Российского». Рисунки, отделение V. М. 1853, табл. 42);

считавшейся гербом²³. Подобная «перепутанность» вряд ли была бы возможна, тем более на государственной печати, если бы в XVI в. в Русском государстве городские гербы официально существовали. Однако сочетание общегосударственной эмблемы и печатей различных областей, входивших тогда в состав России, конечно, не случайно, и оно не являлось простой иллюстрацией царского титула²⁴, а знаменовало собой единство земель, объединенных под эгидой Московского государя. Часть изображений, по-видимому, не имела под собой почвы, то есть эмблемы не являлись копией реально существующих печатей²⁵. Возможно, что отдельные эмблемы земель были сочинены лишь с целью помещения их на государственную печать и в дальнейшем, не получив реального воплощения, в силу неупотребляемости забыты²⁶. Тем не менее и сочинение эмблем и композиция печати, типичная для государственных печатей многих европейских стран той эпохи, на которых также изображались в гербовых щитах эмблемы земель²⁷, имели свой смысл и включали русскую печать, укрепляющую важный международный акт, в круг обычных для Западной Европы атрибутов королевской или императорской власти.

В свете большого интереса к иерархии европейских государств, который характерен для русского правительства того времени²⁸, знакомство с институтами внешнего оформления верховной власти западноевропейских государств представляется вполне допустимым. И эмблемы, большая часть которых в силу особых исторических условий развития Русского государства не существовала в качестве изображений на реальных печатях и не являлась гербами, должны были играть роль таковых за пределами Русского государства. Показательно, что эти эмблемы имеют светский характер, типичный для подобных эмблем западноевропейских печатей.

В жизни русского общества эмблемы светского характера получают более или менее значительное распространение в XVII веке. Их можно встретить на знаменах иноземных полков, входивших в состав русского войска²⁹, на личных печатях³⁰, на печатях центральных государственных учреждений — приказов³¹. Территориальные эмблемы также находят себе применение, более широкое, чем в предшествующий период, во внутрирусской практике, прежде всего при создании печатей. Среди них выделяются печати со специфическими эмблемами анималистического плана, которые характерны для присоединяемых в это время к России земель, в основном различных областей Сибири³². Территориальные

в дневнике Корба рисунок новгородской эмблемы снова изображен в несколько измененном виде: на трон положены два перекрещенных посоха, около трона — медведи (И. Г. Корб. Дневник путешествия в Московию. 1698 и 1699 гг. СПб. 1906, стр. 1).

²³ Надпись «печать великого княжества Смоленского» идет вокруг изображения князьего места с лежащей на нем шапкой (то есть позднейшего тверского герба); на тверской печати изображен медведь, а на ярославской — рыба, на кондийской — олень, на пермской — пушной зверь, на астраханской — волк с крестом и т. д.

²⁴ А. В. Арциховский отмечает, что владимирский лев не помещен на печати Ивана IV (несмотря на то, что в титуле великий князь именовался «Володимирским»), так как, по его мнению, вокруг орла помещались печати областей, а Владимир по старой традиции считался стольным городом наравне с Москвой (А. В. Арциховский. Указ. соч., стр. 55).

²⁵ Н. Ф. Демидова. Отражение политики русского правительства в Башкирии в гербах и печатях ее городов, стр. 113.

²⁶ С. Н. Тройницкий. Указ. соч., стр. 349.

²⁷ F. Vossberg. Siegel des Mittelalters von Polen, Lithauen, Schlesien, Pommern und Preussen. В. 1854, S. 19—20; G. A. Seyler. Geschichte der Siegel. Leipzig. 1894, S. 213.

²⁸ А. Л. Гольдберг. Историко-политические идеи русской книжности XV—XVII вв. «История СССР», 1975, № 4, стр. 64.

²⁹ Ю. В. Арсеньев. Указ. соч., стр. 276—277.

³⁰ А. Б. Лакиер. Указ. соч., стр. 190—192.

³¹ Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 159.

³² «Роспись Государевым Царевым и Великого князя Алексея Михайловича, всея Великия и Малыя и Белья России самодержца, печатем, какова в котором городе

эмблемы в виде рисунков крепостей помещаются на государственной печати Алексея Михайловича. Буквы над ними свидетельствуют, что крепости олицетворяют Великую, Малую и Белую Россию, а также восточные, западные и северные земли³³. Эмблемы украшают предметы царского обихода, среди них широко бытуют и территориальные³⁴. Изображение эмблем на этих предметах носило характер орнаментирования, украшения в традиционном стиле. Они предстают перед нами в самой различной интерпретации.

В последнее десятилетие правления Алексея Михайловича происходит геральдизация эмблем. В 1666 г. Алексей Михайлович приказал сделать в Оружейной палате знамя, на котором «написать живописцу Станиславу Лопуцкому разных государств четырнадцать печатей в гербах»³⁵ (вероятно, в гербовых щитах). В 1669 г. живописцы Иван Мирковский и С. Лопуцкий писали по повелению Алексея Михайловича для Коломенского дворца «клейма (гербы) государево и всех вселенских сего света государств». В том же году С. Лопуцкий на холсте изобразил герб Московского государства «и иных окрестных государств и подо всяким гербом планиты, под которым каковыя»³⁶. А в 1672 г. был составлен первый русский гербовник («Титулярник»). В нем изображены 33 герба царств, княжеств и земель, названия которых входили в царский титул. По-видимому, лишь условно их можно отнести к гербам; скорее это рисунки эмблем, ибо в них отсутствуют стилизация, присущая гербу, определенная геральдическая ориентация фигур, геральдическая цветовая гамма и т. д. Тем не менее эмблемы приобретают в «Титулярнике» характер завершенности и почти без изменений появляются в создаваемых затем городских гербах. Именно в «Титулярнике» 1672 г. эмблемы снабжаются атрибутами, характерными для идеологии того времени (у пермского медведя на спине — «Евангелие», а на знамени 1666 г. его нет; над псковским зверем — выходящая из облака рука, и т. д.), а некоторые эмблемы в значительной степени меняют свой рисунок (если на знамени 1666 г. предписывалось поместить печать сибирскую следующего вида: «дерево стоящее кедровое, к дереву два соболя стоят на задних ногах», то в «Титулярнике» изображены: «два соболя, над ними коруна, передними ногами держат меж собою лук да накрест положены две стрелы»; на болгарской печати ранее был помещен идущий барс, в «Титулярнике» — зверь с прапором, и т. д.).

Представленные в «Титулярнике» земельные эмблемы не выражали автономию областей и не свидетельствовали о самоуправлении. С этой точки зрения и по форме они не соответствуют понятию герба. Однако создатели гербовника, по-видимому, считали их таковыми. Само возникновение «Титулярника» было обусловлено все возрастающим интересом к западноевропейской культуре и обычаям. Распространение «бумажной геральдики» в странах Западной Европы, когда начинают возникать об-

или остроге и что на которой печати вырезано» (Ю. В. Арсеньев. Указ. соч., стр. 297—298. Приложение).

³³ А. Б. Лакиер. Указ. соч., стр. 296; Е. И. Каменцева, Н. В. Устюгов. Указ. соч., стр. 134.

³⁴ 10 эмблем выгравированы на доспехах Лжедмитрия (Н. Кондаков. Императорский Эрмитаж. Указатель Отделения средних веков и эпохи Возрождения. СПб. 1891, стр. 299); 12 эмблем вышиты вокруг государственного герба на саадачном покровце, принадлежащем Михаилу Федоровичу («Древности государства Российского». Рисунки, отделение II, табл. 79; отделение III. М. 1853, стр. 133—134); территориальные эмблемы изображены на царских золотых тарелках («Древности государства Российского». Отделение V, табл. 42—43; «Опись Московской Оружейной палаты». Ч. II. М. 1884, стр. 16).

³⁵ «Опись Московской Оружейной палаты». Ч. III, кн. I. М. 1884, стр. 49.

³⁶ И. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI—XVII столетиях. М. 1895, стр. 215.

щегосударственные гербовники³⁷, достигло и русских земель. Правительство России «состроило» официальный гербовник в соответствии с существовавшей традицией: общегосударственный герб и печати — эмблемы отдельных областей, объединенных под властью единого государя³⁸.

К концу XVII в. наблюдается превращение земельных и областных эмблем в городские. Так, в 1687 г. в Смоленск было послано знамя с изображением государственного герба, а под ним «печать Смоленская: в клейме пушка, на ней птица Гамаюн»³⁹. Среди знамен, хранящихся в Московской Оружейной палате, имеется прапор конца XVII в. с владимирской эмблемой: коронованный лев держит в передних лапах крест; при проверке казны в 1687 г. состояли налицо шесть прапоров, среди которых один имел эмблему Астраханского царства, а другие три — соответственно псковскую, тверскую, пермскую⁴⁰.

В 1692 г. впервые документально зафиксировано, что эмблемы областей являются одновременно и городскими эмблемами. Царский указ предписывал в Ярославской приказной избе «быть печати изображением герб Ярославской»⁴¹. Из возникшего затем по этому поводу дела «О устройении городу Ярославлю печати по гербу с надписью»⁴² явствует, что за основу бралась эмблема Ярославского княжества, помещенная в «Титулярнике». Однако по царскому указу на печати, кроме царского титула, должна была быть надпись: «печать града Ярославля». Таким образом, эмблема княжества совмещалась с городской, и она официально называлась гербом, который должен был изображаться на городской печати.

В конце XVII — начале XVIII в. процесс превращения земельных и областных эмблем в городские идет быстрыми темпами. Он находится в тесной связи, во-первых, с общим увеличением значения эмблем и символов в петровскую эпоху; во-вторых, с проводившимися царем-реформатором мероприятиями, преобразовывавшими разные стороны общественной жизни России. Пристрастие Петра I к эмблемам и символам до-революционные историки обычно приписывали западноевропейскому влиянию и рассматривали как одно из заимствований западноевропейских обычаев. Однако трудно себе представить, чтобы петровский рационализм уступил место простому следованию моде в насаждении такого малозначащего до тех пор в России обычая, как употребление символов и аллегорий. Если ранние действия Петра в этом плане и носят, может быть, подражательный характер (например, использование эмблем и девизов, взятых из иностранных изданий, для украшения строившихся в 1696 г. кораблей Азовского флота⁴³ и организация под руководством иностран-

³⁷ Во Франции — это «Armorial de France», составлявшийся гербовым судьей д'Озье; в Германии — Гербовник Зибмахера; «Orbis Polonus» — в Польше (Ю. В. Арсеньев. Указ. соч., стр. 88, 113—114).

³⁸ С 1672 по 1675 г. в Посольском приказе, кроме «Титулярника», было создано еще несколько книг «в лицах» (с иллюстрациями), объединенных единой тематикой, возвеличивающих царскую власть, обосновывающих ее незабываемость, проводящих идею ее извечности и «сродства» с правителями других европейских держав («Дополнения» к «Актам историческим». Т. VI. СПб. 1857, стр. 198—199; В. К. Лукомский. Источники русского гербоведения. «Русская геральдика». Пггр. 1915, стр. 2; Ю. В. Арсеньев. Указ. соч., стр. 45).

³⁹ Л. Яковлев. Русские старинные знамена. М. 1865, стр. 79; Н. Г. Николаев. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. СПб. 1899, стр. 122.

⁴⁰ Ю. В. Арсеньев. Указ. соч., стр. 277; Л. Яковлев. Указ. соч., стр. 103—104; Н. Г. Николаев сообщает, что эти прапоры были изготовлены в 1679 г. (Н. Г. Николаев. Указ. соч., стр. 127).

⁴¹ ПСЗ. Здесь и далее — собр. I (с 1649 г. по 12 декабря 1825 г.). Т. III. СПб. 1830, № 1444.

⁴² ЦГАДА, ф. 136, оп. 1, д. 21.

⁴³ «Описание изданий гражданской печати. 1708 г.—январь 1725 г.». М.-Л. 1955, стр. 529; Петр I принимал личное участие в выборе девизов кораблям и фигур, помещенных на их корме (ЦГАДА, Госархив, IX разр., отд. 1, оп. 2, кн. 40, л. 488).

цев торжества по случаю победы под Азовом, когда «везде были видны непонятные для народа эмблемы и аллегории»⁴⁴), то в дальнейшем наблюдается вполне утилитарное применение символов, аллегорий и эмблем для пропаганды проводимой государством политики, прославления русского оружия, военной и политической значимости России.

Именно подобным пониманием роли символов объясняется стремление Петра I познакомить с ними русское общество. Уже при триумфальном въезде царя в Москву в 1696 г. аллегорические картины и надписи, гласившие о победе Константина Великого над Максенцием, о подвигах Геркулеса и Марса, сопровождалась вполне реалистическим изображением того, «как что было под Азовом»⁴⁵. В книге «Торжественные врата, вводящая в храм бессмертных славы... царя и великого князя... Петра Алексеевича», выпущенной в ноябре 1703 г. по поводу торжественного вступления царя с возвращавшимися из Петербурга войсками в Москву, где были построены по этому поводу трое триумфальных ворот, были объяснены аллегорические картины, их украшавшие. Предполагают, что Петр лично вносил коррективы в книгу⁴⁶. Фейерверк 1 января 1710 г. по случаю «Полтавской баталии» также сопровождали объяснительные надписи: «А. Гора каменная, являющая Швецкое государство. В. Лев выходящий из-за оной горы, являл армию швецкую»⁴⁷. Подобную задачу преследовал и выпуск в 1705 г. (наряду с такими изданиями, как «Букварь», «Арифметика» Магницкого, «Новая чертежная книга») книги «Символы и эмблемата»⁴⁸, в которой на нескольких языках, в том числе русском, давалось толкование символов и эмблем. Тираж ее по тем временам был довольно значительным: 755 экземпляров⁴⁹. В воздействии на общественное сознание Петр I большое значение придавал наглядной агитации: массовым зрелищам — фейерверкам по случаю различных торжеств. С помощью символов и аллегорий создавались образные, запоминающиеся картины⁵⁰, прославлявшие деятельность царя и успехи русской армии. Они должны были служить средством воздействия и на общественное мнение во всей Европе, многочисленные представители которой наводняли русскую столицу. По-

⁴⁴ Д. А. Ровинский. Обзорение иконописания в России до конца XVII в. Описание фейерверков и иллюминаций. СПб. 1903, стр. 179.

⁴⁵ Там же, стр. 180.

⁴⁶ Там же, стр. 186.

⁴⁷ «Письма и бумаги императора Петра Великого». Т. II. СПб. 1889, стр. 696. Письмо Петра к Ф. А. Головину. Там же, № 609.

⁴⁸ П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом. Т. II. СПб. 1862, стр. 112—113; «Описание изданий гражданской печати», стр. 528—530. С объяснением символов и эмблем можно встретиться в произведениях, прославляющих царя, в переводной литературе (П. П. Пекарский. Указ. соч. Т. I. СПб. 1862, стр. 365). По приказанию Петра I Феофан Прокопович сделал перевод книги «*Symbola christiana politica*» (П. П. Пекарский. Указ. соч. Т. I, стр. 214—215). В 1699 г. переведен Нюрнбергский гербовник, содержащий описание эмблем и гербов различных государств, в том числе русского (ЦГАДА, ф. 136, оп. 1, д. 31). Аналогичные книги имелись в личной библиотеке Петра (Е. И. Боброва. Обзор иностранных печатных книг собрания Петра I. «Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН». Вып. I. XVIII в. М.—Л. 1956, стр. 170; С. П. Луппов. Книга в России в первой четверти XVIII в. Л. 1973, стр. 170).

⁴⁹ И. Томаков. Материалы для истории русской и иностранной библиографии в связи с книжной торговлей. «Библиограф», 1885, № 6, стр. 105.

⁵⁰ Т. С. Майкова приводит высказывание Петра I относительно значения фейерверков: «Лутчеб те милионы на ферверк издержаны были... нечто б дивное и памяти достойная вещь была, и народ в тот час великой плезир имел» («Петр I и «Гистория Свейской войны». «Россия в период реформ Петра I». М. 1973, стр. 117). Царь нередко сам являлся автором фейерверков («Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709—1711)». М. 1900, стр. 134), причем обращал особое внимание на изготовление фигур и толкование символов (ЦГАДА, Госархив, IX разр., отд. I, оп. 2, кн. 55, лл. 74/44).

добную же цель, вероятно, преследовало и создание плакатов с изображением фейерверков, триумфальных шествий и т. п.⁵¹.

Проводником правительственной идеологии в форме массового наглядного средства являлись также памятные и наградные медали, введенные в России Петром I⁵². В аллегорической форме в них нашли отражение успехи русского оружия, победоносная внешняя политика, события внутренней жизни Русского государства. Многие рисунки снабжены разъяснительными и поучительными надписями. Нередко с аллегорическими сосуществуют реальные изображения событий. Медали тоже являлись одним из средств патриотического и воинского воспитания⁵³. Тем же целям служила знамена, имевшие различные изображения, эмблемы и девизы. Наряду с идеей прославления побед и успехов в мореплавании⁵⁴ и идеей единства различных земель под властью русского государя⁵⁵ в знаменной символике встречаются и эмблемы отдельных областей, затем перешедшие в городские, введение которых может быть истолковано как «стремление усилить воздействие на патриотические чувства солдат»⁵⁶. Земельные эмблемы украшают и официальные документы — жалованные грамоты, выданные Петром I как внутри государства, так и иностранцам⁵⁷.

Территориальные эмблемы занимают прочное место на петровских печатях. Кроме известных еще в XVII в. сибирских печатей, изображения на которых стабилизируются⁵⁸, в царствование Петра создается ряд печатей с территориальными эмблемами. Прежде всего это государственная печать, рисунок которой помещен в дневнике И. Г. Корба⁵⁹. Рисунок его изображал коронованного двуглавого орла, на груди и крыльях которого располагалось семь территориальных эмблем. По окружности около орла в овальных щитах были изображены еще 26 эмблем такого же характера. Известна группа печатей с изображением территориальных эмблем на крыльях орла, а также вокруг него. Эти печати, матрицы которых хранятся в коллекции Государственного исторического музея⁶⁰, вырезаны по приказу Петра I русскими и иностранными мастерами. В 1710 г. была сделана печать Сибирской губернии. На печати изображены территориальные эмблемы — Сибирская, Вятская, Пермская⁶¹.

⁵¹ Т. А. Быкова. О некоторых чертах оформления книг времени Петра I. «Книга. Исследования и материалы». Сб. 1. М. 1959, стр. 226; «Памятники русской культуры первой четверти XVIII в. в собрании Государственного Эрмитажа». Каталог. Л.-М. 1966, стр. 74—75.

⁵² Е. С. Щукина. Медальерное искусство в России XVIII в. Л. 1962, стр. 10; И. Г. Пасский. Медали и монеты петровского времени. Л. 1974, стр. 28—29.

⁵³ Е. С. Щукина а. Указ. соч., стр. 12.

⁵⁴ Знамена Преображенского полка с изображением плывущей лодки, в которой Сатурн-Время учит Юношу-Россию управлять веслом; слева изображен пылающий город Азов, справа — строящиеся корабли на Воронежской верфи (А. В. Висковатов. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. Ч. 2. СПб. 1842, стр. 86—87; К. К. Мамаев. Символика знамен петровского времени. «Труды Государственного Эрмитажа. XI. 1972, стр. 28—30).

⁵⁵ Белое знамя Преображенского полка с изображением двуглавого орла, на груди которого — черный круг с 26 земельными эмблемами (А. В. Висковатов. Указ. соч., стр. 85).

⁵⁶ К. К. Мамаев. Указ. соч., стр. 34.

⁵⁷ Жалованные грамоты Б. П. Шереметеву («Памятники русской культуры...», стр. 25), Ф. В. Шилову, Г. Ф. Долгорукову, гетманам И. С. Мазепе и И. И. Скоропадскому (ЦГАДА, ф. 135, оп. 1, разд. IV, дд. 49, 52, 53, 56—58), Я. Тессингу (П. П. Перкарский. Указ. соч. Т. I, стр. 11).

⁵⁸ Наказ таможенному голове города Верхотурья 1692 г. о сборе таможенных пошлин и питейных доходов, к которому приложена «Роспись Сибирским печатям, хакова в котором городе и в остроге и что на которой печати вырезано» (ПСЗ. Т. III, № 1443).

⁵⁹ И. Г. Корба. Указ. соч., стр. 1.

⁶⁰ Государственный исторический музей, отдел нумизматики, книга поступлений, №№ 913044, 913046, 913048—913050.

⁶¹ «Сборник снимков древних печатей, приложенных к грамотам и другим юри-

Таким образом, территориальная символика в начале XVIII в. включается в общее число символов, аллегорий и эмблем. Этот процесс является отражением идеологической политики Петра I.

Городская же символика получила развитие прежде всего в процессе формирования и размещения полков русской армии. В 1708 г., как известно, Россия была разделена на восемь губерний, каждая из которых содержала полки. Они дислоцировались по городам и получали эмблемы этих городов, изображавшиеся на знаменах. В качестве городских использовалась часть уже известных земельных эмблем; кроме того, было создано значительное число новых. Например, для Архангельска — архангел на крылатом коне поражает копьём змея, для Симбирска — колонна под короной, для Каргополя — ягненок на пылающем костре, для Санкт-Петербурга — пылающее сердце под золотой короной и т. д.⁶² Изображения, помещаемые на знаменах, не имели еще строгой геральдической формы. На знаменах владимирских полков, например, помещался не просто стоящий лев с крестом, но под ногами у него была шкура убитого «свейского» льва, в новгородской эмблеме отсутствовали рыбы, тверская представляла собой колокол-пирамиду под золотой короной. Эмблемы не имели гербовых щитов — основной детали каждого герба; не соблюдалась и такое геральдическое правило, как нанесение металла на металл и цвета на цвет⁶³. Это и не удивительно. Петр I в инструкции герольдмейстеру подчеркивал, что в России составление гербов — «дело нового основания»⁶⁴. Официально утвержденный на должность составителя гербов Ф. Санти⁶⁵ также отмечал, что его работа «не токмо трудна и мало заобычайна и в других государствах, в здешнем же государстве и весьма до сего часу, как известно, и не во употреблении была»⁶⁶.

Хотя гербоведение стало на практическую почву лишь с апреля 1722 г.⁶⁷, имеются основания считать, что Петр I собирался осуществить это мероприятие несколько ранее. Во всяком случае специалист по гербам Санти дождался своего поста более двух лет⁶⁸. Неясно, предполагал ли Петр I каким-то образом упорядочить создание городских гербов, связав его с проводимыми им реформами городского управления (как в «Табели о рангах», так и в инструкции герольдмейстеру речь идет

дическим актам, хранящимся в Московском архиве министерства юстиции». М. 1858, табл. XX, № 7.

⁶² А. В. Висковатов. Указ. соч., стр. 94—100. Рисовальщиками этих эмблем могли быть русские золотописцы Посольского приказа Иван Петров и Иван Лопов, которые в 1709 г. писали государственный герб «с принадлежащими гербы» (ЦГАДА, ф. 138, д. 107), а в качестве образца — изображения из книги «Символы и эмблемата» (К. К. М а м а е в. Указ. соч., стр. 33).

⁶³ Такая же произвольность наблюдается в изображении земельных эмблем, укарашающих жалованные грамоты. Например, новгородская эмблема в жалованной грамоте Шилову изображается только в виде престола, на котором лежит скипетр, а медведи и рыбы отсутствуют; смоленская эмблема здесь же — стреляющая пушка (летит ядро, идет дымок), птица отсутствует. В жалованной грамоте Мазепе медведи уже поддерживают трон на новгородской эмблеме, но казанский дракон повернут в необычную для себя сторону, а белозерские рыбы изображены с головами птиц; если в грамоте Долгорукову псковский барс и пермский медведь обращены вправо, то в грамоте Скоропадскому — влево.

⁶⁴ ПСЗ. Т. VI, № 3896.

⁶⁵ См. о его деятельности: В. К. Лукомский. О геральдическом искусстве в России, стр. 9, 31; А. Филиппов. Первые шаги в России в XVIII в. «Геральдической науки» и граф Ф. Санти. «Древности» («Труды» имп. Московского археологического общества. Т. XXV. 1916). В документах Герольдмейстерской конторы отмечается, что Санти «особливо был для сочинения гербов» (ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 39, л. 72).

⁶⁶ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 42, л. 951.

⁶⁷ 12 апреля 1722 г. «императорское величество в присутствии своем в Сенате указал иноземца графа Францышка Салтия определить полковником, и быть ему у дел в товарищах у Герольдмейстера» («Сборник» РИО, Т. 11. СПб. 1873, стр. 464).

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 42, л. 95 об.

о дворянских гербах)⁶⁹. Однако петровские реформы, значительно повысившие роль городов в стране, объективно способствовали и развитию городской геральдики⁷⁰. В представленной Ф. Санти программе деятельности «Геральдической канцелярии» ставится вопрос об учреждении гербов городов: «Ежели Ваша императорская милость изволит акордовать гербы городов, которые их не имели, то геральдическая канцелярия поступит в том по законам блазоновым и по обыкновенным европским употреблением, то же будет хранено генерально»⁷¹. Аналогичная мысль зафиксирована и в проекте генерального регламента для «Геральдической канцелярии», автором которого также был Ф. Санти: «Резной мастер и живописец будут формовать, начертать и писать или малевать герб его императорского величества, всех его королевств и царств, провинций, городов и все гербы шляхетные, которые будут даны в оной канцелярии»⁷².

Из донесения Герольдмейстерской конторы в Сенат от 14 октября 1724 г. известно, что она «уже давно... гербы всем городам должна сочинять» и еще в 1723 г. с этой целью собирала о них сведения⁷³. Во всяком случае уже в январе 1723 г. в контору поступило донесение с описанием Эстляндского (Ревельского) герба и указанием даты его возникновения⁷⁴. Первая работа Ф. Санти по территориальной геральдике датирована 6 сентября 1722 г. и названа «Герб его императорского величества с колорами или цветами своими»⁷⁵. Несколько позднее им были составлены описания гербов городов, земель и княжеств, входивших в императорский титул⁷⁶. В основе рисунков лежали изображения, помещенные в «Титулярнике» 1672 г., однако, судя по описанию (рисунков обнаружить не удалось), им была придана строго геральдическая форма, цвета и металлы использованы по геральдическим правилам, положение фигур на щите стабилизировано.

Таким образом, у Герольдмейстерской конторы имелся уже известный опыт в создании территориальных гербов к тому времени, когда поступил указ из Сената, вменявший конторе в обязанность работу над ними. Он предписывал «во всех судных местах сделать печати: а именно в губерниях и провинциях и в городах, которые имеют гербы, на тех вырезать тех городов гербы, а которым нет, то нарисовать приличные вновь в Герольдмейстерской конторе и с оных отослать те рисунки для рассылки во все судебные места в Юстиц-Коллегию»⁷⁷. Данный указ издан «по силе» имевшегося уже акта от 5 ноября 1723 г. «О форме суда», в результате которого процедура судопроизводства обрела строгие и неизменные правила, распространившиеся и на судебное делопроизводство. По-видимому, предпологалось, что каждый судебный документ должен был быть скреплен особой печатью. Указ о печатях для местных судебных учреждений, один из законодательных актов об упорядочении оформления документов⁷⁸, требовал, в частности, наличия на печати изобра-

⁶⁹ ПСЗ. Т. VI, № 3890, п. 16; № 3896, п. 5.

⁷⁰ По-видимому, одним из первых документов в этом плане явился «Регламент Главного магистрата» 1721 г., определивший состав, порядок формирования и функции магистратов и ратуш, создаваемых в городах (ПСЗ. Т. VI, № 3708). Его формуляр, по которому город «описан быть имеет», положен в основу анкеты 1723 г., разосланной Герольдмейстерской конторой с целью получения сведений о городах для составления их гербов (ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 377, лл. 6, 6 об.).

⁷¹ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 42, л. 984.

⁷² Там же, л. 1032.

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 377, л. 6; ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 53, лл. 16, 16 об.

⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 377, л. 1.

⁷⁵ ЦГАДА, ф. 1363, д. 8, лл. 4—5; д. 11, лл. 1—3.

⁷⁶ Там же, д. 11, лл. 4—10; Н. Ф. Демидова. Русские городские печати XVIII в., стр. 520.

⁷⁷ ПСЗ. Т. VII, № 4552.

⁷⁸ ПСЗ. Т. III, №№ 1443, 1559, 1697, 1719; т. VI, №№ 3534, 3789, 3864.

жения городского герба. Это свидетельствовало о том, что русский город получал символ, при помощи которого обозначался как единое целое.

«Обозначивание» городов носило довольно массовый характер. Имеются сведения, что Санти создал 137 провинциальных и городских гербов, «да к сочинению провинциям и городам назначено 220 мест, а гербов не нарисовано»⁷⁹. Городской герб должен был помещаться не только на печатях судебных органов, но и на знаменах полков, расквартированных в городах, о чем было также принято специальное решение⁸⁰. Чтобы ускорить процесс составления городских гербов, Сенат предписал Герольдмейстерской конторе «прежним гербам рисунки взять из Иностранной коллегии»⁸¹. В ответ контора 14 октября 1724 г. сообщала, что гербовник из Иностранной коллегии в контору взят, но «во оном суть только гербы главных государств и некоторых провинций российских, однакож к сочинению гербов всем городам тот гербовник не доволен, но для оного надлежит иметь некоторые... ведения о всякой губернии, провинции и городе порознь»⁸². Далее указывалось, что эти «ведения» должны включать данные по истории возникновения и существования города, о его экономическом, географическом положении, жителей и т. д.

Инициатором рассылки подобной анкеты являлся Санти, на которого непосредственно возлагалась обязанность составлять гербы. Граф ответственно отнесся к порученному делу, поставив себе целью создать такие гербы, каждый из которых соответствовал бы реальному городу. Он объявил герольдмейстеру, что «городам, которых знает оригиналы и в которых сам бывал, гербы некоторые отправил... а которых городов не знает и в них не бывал и о них никакой информации не имеет, по регулам геральдики оных гербов сочинить и отправить не может...»⁸³. Сведения из городов поступали неравномерно, и Санти по мере их получения составлял гербы⁸⁴. Этим он занимался вплоть до его ареста в июне 1727 года. Им были «сочинены» дворянские, провинциальные, городские гербы и гербы на знамена полков. Из описи, которая была сделана на квартире Санти, явствует, что он составил уже что-то вроде гербовника областей и городов («книга гербов российских и провинциальных по губерниям вновь компонованных 97»); кроме того, рисунки городских гербов были сшиты в тетрадь или существовали в разрозненном виде (из сравнения списков гербов, сделанных Санти и сохранившихся в различных делах, можно заключить, что в число «137 гербов» входят копии отдельных гербов; всего же упоминается около ста названий областей и городов, для которых Санти разработал гербы)⁸⁵. В опись внесена также промемория из Военной коллегии «о зделании вновь на полки знамен гербов» и вместе с ней 98 рисунков гербов для знамен.

Непосредственными исполнителями замыслов графа стали русские живописцы Г. Одольский, И. Чернавский, П. Гусятников. Однако гербы, составленные Санти, официально не были утверждены. В сообщении из Герольдмейстерской конторы в 1744 г. говорится: «а которые гербы провинциям и городам графом Сантием по присланным ведомостям из губерний, провинций и городов сочинены, которые и поныне не опробованы»⁸⁶. Герольдмейстерская контора предоставляла рисунки Санти раз-

⁷⁹ ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 3, л. 217.

⁸⁰ ПСЗ. Т. VII, № 4589.

⁸¹ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 377, л. 2.

⁸² Там же, л. 6.

⁸³ Там же, л. 6 об.

⁸⁴ ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, кн. 92, л. 325 об.; оп. 2, кн. 3, лл. 219 об., 315 об.

⁸⁵ Там же, оп. 1, кн. 217, лл. 394—394 об., оп. 2, кн. 3, лл. 298 об.—305; кн. 39, лл. 87—90.

⁸⁶ Там же, оп. 2, кн. 3, л. 219 об.

личным ведомствам, и они постоянно фигурируют во всех делах конторы, касающихся составления территориальных гербов. Одним из постоянных ее заказчиков являлась Военная коллегия. В 1727 г. в связи с изготовлением новых знамен для полевых и драгунских полков она через Сенат запросила у Герольдмейстерской конторы гербы городов, в которых квартировались полки. В последующие годы Военная коллегия требовала от конторы «ведомостей» к созданию гербов в слободские полки⁸⁷, рисунки гербов для полковых знамен и печатей в новозавоеванные крепости Финляндии⁸⁸, Слободскому гусарскому полку⁸⁹, крепости св. Елизаветы⁹⁰ и др.

Академия наук также неоднократно просила Герольдмейстерскую контору прислать ей рисунки провинциальных и городских гербов, необходимых при сочинении «краткого описания герольдики»⁹¹, «к печатанию математической, физической и политической географии»⁹². С подобными запросами туда же обращались канцелярия Монетного правления⁹³, комиссия, ведавшая петербургским строением⁹⁴, канцелярия генерал-прокурора⁹⁵. Особенно много запросов поступало в Герольдмейстерскую контору от местных органов из-за необходимости сделать печати гарнизонов, крепостей и городов⁹⁶. В связи с этим Герольдмейстерская контора вынуждена была уделить особое внимание сочинению территориальных гербов. В 1745 г. она вновь рассылает анкету, повторявшую анкету Ф. Санти, с требованием прислать «ведомости» о городах⁹⁷. Возглавил эту работу в Герольдмейстерской конторе пришедший туда в 1741 г. адъюнкт Академии наук В. Адодуров.

Новые черты приобретает в своем развитии городская геральдика в последней четверти XVIII века. Большой интерес к городским гербам в этот период вызван подготовкой и проведением реформы местного управления. Подавляющее большинство городских гербов, помещенных в книге П. П. Винклера, утверждено в годы правления Екатерины II. От того времени сохранились и гербовники, составленные официальными лицами⁹⁸, и частные «проекты» городских гербов⁹⁹. Упорядочением городской геральдики по-прежнему занималась Герольдмейстерская контора (состоявшие в ее штате герольдмейстеры и их помощники)¹⁰⁰. В 1778 г. Сенат, в частности, возложил работу по составлению гербов городов Ярославской провинции на помощника герольдмейстера фон Эндена, который включил в каждый из таких гербов изображение ярославского герба. С того времени стало традицией помещать в верхней половине герба уездных городов часть или весь наместнический

⁸⁷ Там же, кн. 39, л. 64.

⁸⁸ Там же, кн. 3, л. 186; кн. 41, лл. 194, 223.

⁸⁹ Там же, кн. 41, л. 406.

⁹⁰ Там же, оп. 2, кн. 6, лл. 339, 341.

⁹¹ Там же, оп. 1, кн. 92, л. 111; оп. 2, кн. 3, л. 493 об.

⁹² Там же, оп. 2, кн. 3, л. 297.

⁹³ Там же, оп. 1, кн. 217, л. 363; оп. 2, кн. 39, лл. 144, 151.

⁹⁴ Там же, оп. 2, кн. 1, лл. 287—290.

⁹⁵ Там же, лл. 846—847.

⁹⁶ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 377, л. 170; ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 41, лл. 59 об., 291, 300; Н. Ф. Демидова. Русские городские печати XVIII в., стр. 527.

⁹⁷ ЦГАДА, ф. 286, оп. 2, кн. 41, лл. 41—42.

⁹⁸ См., например, составленное герольдмейстером Л. И. Талызиным «Руководство к геральдике, то есть науке о гербах, содержащее происхождение, основание и нужные правила науки сей относительно до гербов Российских, с начертанием и описанием оных», которое включает рисунки и описание гербов наместничеств, рисунки городских гербов (Отдел рукописей ГПБ имени М. Е. Салтыкова-Щедрина, Эрм. 112, лл. 53—125, 138—178); составленный М. Щербатовым военный гербовник (ЦГАДА, Государственный архив, XX разр., д. 269).

⁹⁹ См. составленный в 1774 г. неизвестным лицом «в свободные времена» «Проект неизменяющим Российским городам гербов» (ОР ГПБ, Эрм., л. 494).

¹⁰⁰ А. Б. Лак и ер. Указ. соч., стр. 303.

герб¹⁰¹. Только ранее составленные гербы остались в прежнем виде. Пункт 28 «Городского положения» 1785 г. предписывал каждому городу «иметь герб... и оный герб употреблять во всех городских делах»¹⁰². Рисунок городского герба помещался на жалованной грамоте, которую должен был получить город от императрицы. Однако при Екатерине II не всем городам были даны жалованные грамоты и гербы, а для некоторых из них гербы так и не были составлены¹⁰³.

С конца XVIII в. городская геральдика в России развивалась медленнее. Павел I приказал Герольдии (так с 1800 г. называлась Герольдмейстерская контора) составить «Общий гербовник городов Российской империи», но это распоряжение не было выполнено. Герольдия не имела даже рисунков утверждаемых городских гербов, которые хранились «не в оной, но в Сенатском архиве, переплетенные вместе с прочими высочайшими указами»¹⁰⁴. Это было нарушением прежних указов, согласно которым рисунки городских гербов должны были находиться в Герольдии¹⁰⁵, и приводило к недоразумениям, когда последняя не могла удовлетворить просьбы «в потребных случаях» о доставлении копий с гербов губернских и уездных городов¹⁰⁶. С 40-х годов XIX в. наблюдается оживление деятельности Герольдии по «сочинению» городских гербов. Вновь возник вопрос о создании «Общего гербовника городов Российской империи». В связи с этим Герольдия «истребовала» от всех губернских правлений и дворянских депутатских собраний копии с гербов губернских, областных, уездных городов и по получении сверяла их с «Полным собранием законов», а также составила подробный реестр всем городам империи, установив попутно, какие из них еще не имели гербов¹⁰⁷.

Со времени превращения Герольдии в департамент герольдии при Сенате (1848 г.) значительно активизировалась санкционированная последним работа по составлению недостающих городских гербов¹⁰⁸. Началась также переделка ранее составленных якобы не по геральдическим правилам городских гербов¹⁰⁹ и унификация их с помощью системы украшений, разработанных управляющим Гербовым отделением департамента герольдии Б. В. Кёне¹¹⁰. Она включала обязательное употребление над гербовым щитом корон, отмечающих административное положение города, художественной отделки вокруг щитов в виде дубовых листьев и лент¹¹¹. Особое внимание обращалось на композиционную переделку герба, «как это существует в других государствах». Б. В. Кёне привел ряд аргументов против существовавшего композиционного разделения русских городских гербов на две части: губернский герб помещался в верхней части композиции, просто городской — в нижней. Он считал, что по геральдическим правилам главный герб, городской, должен быть расположен наверху. В проектах городских гербов, составленных Гербовым отделением департамента герольдии под руководством Б. В. Кёне, губернские гербы располагаются в так называемой вольной части щита, вправо или влево. В конце XIX — начале XX в. многие города, не имевшие гербов, создавали их уже собственными силами, без участия департамента герольдии. В большинстве случаев эти гербы делали

¹⁰¹ П. П. фон Винклер. Указ. соч., стр. XVII.

¹⁰² ПСЗ. Т. XXII, № 16187.

¹⁰³ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 116, лл. 1, 4, 6; оп. 15, д. 117, л. 14 об.

¹⁰⁴ Там же, д. 117, л. 16.

¹⁰⁵ ПСЗ. Т. X, № 7442; т. XXIV, № 19504.

¹⁰⁶ ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 116, л. 1.

¹⁰⁷ Там же, д. 117, л. 14 об.

¹⁰⁸ Там же, д. 119, л. 139.

¹⁰⁹ Там же, д. 121, лл. 1, 2.

¹¹⁰ Там же, лл. 2 об., 3, 4, 5, 5 об.

¹¹¹ П. П. фон Винклер. Указ. соч., стр. XXV—XXVII.

люди, далекие от геральдики¹¹². Поэтому гербы не соответствовали ее требованиям.

Итак, возникновение и эволюция русских городских гербов — это длительный и сложный процесс. На Руси еще в домонгольский период существовали эмблемы, которые могли превратиться в городские гербы. Но в силу специфики исторического развития русских земель институт городских гербов в тот период, когда они получили широкое распространение в странах Западной Европы, здесь не сложился. В XV—XVI вв. в Русском государстве получают право на существование в качестве изображений на государственных печатях территориальные эмблемы, являясь одним из компонентов внешнего оформления власти русских государей. В правление Алексея Михайловича земельные, областные эмблемы называли гербами независимо от того, что по своему реальному содержанию, внешнему оформлению они еще не были таковыми. В символах и эмблемах петровской эпохи ощущается их открыто пропагандистская направленность, устанавливаемая под непосредственным руководством царя. Территориальные эмблемы при Петре получают свое дальнейшее развитие; наблюдается переход от областных эмблем к городским, который был обусловлен реформированием отдельных сторон общественной жизни России. Можно говорить уже и о тенденции к превращению городских эмблем в постоянные городские символы. Создание их происходило в силу правительственных указов, по составленному плану, причем документальные распоряжения правительства касательно городов легли в основу действий по созданию гербов в специальном учреждении, возникшем при Петре I, — в Герольдмейстерской конторе. Городской герб в качестве символа самоуправления города появляется в России только с конца XVIII века.

¹¹² Так, герб Луганска составлен по проекту коллежского асессора Першина и утвержден городской думой (ЦГИА СССР, ф. 1343, оп. 15, д. 126, л. 39). Городские управы принимали участие в составлении гербов городов Семиреченской области, Николаевска и Новоузенска Самарской губернии (там же, оп. 57, д. 537, лл. 1—3). Герб Иваново-Вознесенска в 1891 г. спроектировал владимирский губернатор (там же, оп. 15, д. 126, л. 12).